

ПЕРЕСТРОЙКА В ЛИЦАХ И СИТУАЦИЯХ

ЛИШЬ БЫ ЛОЖА БЫЛА В ПОРЯДКЕ

— Срочно приезжайте к нам на собрание. — Звонки из местного театра оперы и балета был неожиданным и тревожным.

У служебного входа в театр сталкиваюсь с главным режиссером О. Дадшикилиани.

— Что случилось, Отар Михайлович?

— И не спрашивайте! У нас там такое! В общем — перестройка в действии. Прут снизу!

— Но вы-то куда?

— А подальше от греха.

Ничего толком не поняв, вхожу в зал. Вижу Прину Николаевну Степанову, инструктора идеологического отдела обкома партии. Она в явном недоумении: нет ни директора театра А. Курицыной, ни председателя профкома М. Ларина. Как вышло, они не явились на собрание, поскольку решение о его проведении коллектив принял без их согласия. Зал гудит. От группы к группе метается секретарь парторганизации, народный артист РСФСР А. Пранов. Разгорченные лица, крайнее возбуждение аудитории — все говорит о том, что у людей давно «накипело».

И здесь уместно вспомнить одно из отчетно-выборных партийных собраний. Проходило оно довольно спокойно и бесконфликтно. Только одно выступление прозвучало диссонансом общему благодушному тону. Не умаляя достижения прошлых лет, артист В. Стенанов призывал присутствующих коллег честно и объективно оценить реальное состояние дел в театре.

Его тревога за театр прозвучала и позже — на областном собрании актива творческих союзов, выступлении в местной прессе. Вот тут-то над головой Владимира Тимофеевича и стали сгущаться тучи. По театру был пущен слух, что ему не дорога слава коллектива.

П. Резников, бывший в ту пору директором театра, пригласил «смульяна» в кабинет и намякнул, что бы тот поосторожней высказывал свои мысли.

Так уж здесь повелось — никаких вопросов или сомнений снизу. Эйфория от былых успехов туманит и доныне умы руководителей да и многих артистов театра. А отсюда творческая инертность, благодушие, комплиментарность в оценке своей работы. Забыты неслетные отзывы в адрес режиссуры и сценографии, данные столичной критикой еще пять лет назад — во время выступлений в Москве. Казалось, уже тогда следовало бы сделать соответствующие выводы, обсудить в коллективе рекомендации специалистов. Но нет. Тем более что и формальные показатели пока не тревожат: выполняется финансовый план, да и процент посещаемости сравнительно высок. Другое дело, что достигаются они в основном за счет активного проката оперетт и так называемых детских спектаклей. Показ трех оперетт и двух детских мюзиклов (под фонограмму) финансово уравнивает 20 оперных спектаклей.

Бесспорно, в городе, где нет театра оперетты, должен удовлетворяться спрос и на спектакли этого жанра. Но все-таки название театра оперы и балета не должно быть формальностью.

Оставляет желать лучшего и репертуарная политика коллектива. В свое время этот вопрос было поручено изучить тому же неугодному Степанову. И что же? Сделанные им неутешительные выводы дали только лишние поводы для обвинений артиста в критиканстве, а служебная записка, отправленная им в областное управление культуры, так и осталась без внимания.

Казалось бы, в этих условиях репертуарного года следовало бы бережнее относиться к имеющемуся у театра «золотому фонду»: это «Царская невеста», «Риголетто», «Трубадур» и другие оперные и балетные постановки. Но их капитальное возобновление, к сожалению, нельзя отнести к творческим удачам.

Естественно, коллектив нуждается в постоянном притоке новых исполнителей. В Горьком для этого есть возможности: под боком консерватория, имена выпускников которой украшают афиши многих групп страны. Однако в горьковском театре слишком часто стареются держать молодых, независимо от меры их таланта и подготовленности, на второстепенных ролях. Потому и покидают коллектив многие талантливые исполнители.

Так произошло, к примеру, с Натальей Ерасовой. Уникальный голос, сценическое дарование списали ей добрую известность у горьковчан. Она, кстати, никогда не требовала у руководства ни квартиры, ни увеличения зарплаты. Просила об одном — дать ей возможность петь соответствующие ее дарованию и профессиональной подготовке партии. Как-то ей пошла на встречу: дали спеть Княгиню в «Чародейке». По общему мнению, она справилась блестяще. Но две-три неизбежные при первом исполнении небольшие ошибки послужили поводом больше ее к этой партии не допускать. Н. Ерасова вынуждена была уехать из Горького в Пермь, где ей сразу доверили в оперных спектаклях ряд ведущих партий, а вскоре на Международном

конкурсе имени Чайковского она стала лауреатом первой премии.

— Если бы мы знали, что так получится, то ни за что не отпустили бы ее, — с запоздалой горечью говорит теперь руководители Горьковского театра. А ведь лукавят. Успех нагнанницы не на шутку встревожил главного режиссера О. Дадшикилиани и главного дирижера В. Бойкова, а точнее их супруг, солисток этого же театра. Хотя что им беспокоиться? Обе имеют великолепные аттестации, составленные, судя по всему, не без влияния указанных обстоятельств.

Есть правда, и объективные трудности. Городские власти плохо помогают театру в решении организационных и материально-финансовых проблем. Театр работает фактически в аварийных условиях. Правда, нередко проводится косметический ремонт фасада и так называемой правительственной ложи. Проекты же реконструкции сцены, оркестровой ямы постоянно откладываются.

У театра нет своего жилья. Общежитие — без элементарных удобств. Остаточный принцип в отношении к культуре в Горьком давил и прочно прижился. Но должен ведь он, наконец, уступить место заинтересованной и многосторонней заботе о своем театре, о людях, работающих в нем!

О чем думало, например, областное управление культуры, когда назначило сюда директором А. Курицыну, занимавшую прежде ту же должность в Горьковском театре комедии? Ведь специфика театра оперы и балета совсем иная. Значит, опять рассчитывали на «стерпится-слобится»?

Разумеется, в жизни любого творческого коллектива без конфликтов не обходится. Были они и при прежнем директоре, но все же при разрешении спорных вопросов В. Резников старался сберечь ядры. Что же касается Курицыной, то, заняв директорское кресло, она твердо следует правилу: «Кому не нравится мой стиль работы, тот может подавать заявление, я никого не держу!» И не держит.

За два с половиной года ее «руководства» из театра ушли около семидесяти человек. Причем, уходят опытные, хорошо знающие свое де-

ло люди. Директора это несколько не удручает. С большой охотой она приглашает на их места тех, с кем работала еще в театре комедии. И пусть новички не знают специфики оперного жанра, зато уж никто из них не смеет переступить директорскому «идрау».

Недавно как будто забрезжила надежда на добрые перемены: освободилась вакансия главного дирижера, ждали, что в театр возвратится некогда работавший здесь Г. Муратов — опытный и высокопрофессиональный специалист, способный вывести коллектив из творческого тупика. Можно было надеяться, что этот вариант поддержит и областное управление культуры. Только А. Курицына действовала то так, то эдак, то почти соглашалась, то категорически отказывалась от зачисления в штат Г. Муратова. Тогда инициативная группа театра попыталась отстоять перед руководством города кандидатуру главного дирижера. Это и определило исход дела — дирижеру было окончательно отказано. Изменили решение высшей директрисы не помогли ни беседы в обкоме партии, ни убедительные доводы работников областного управления культуры. Парадокс?

Хорошо слышаны в Горьком и о недавних выборах в театре оперы и балета художественного совета. Они прошли под жестким давлением той же А. Курицыной с нарушением элементарных норм демократии и инструкций Министерства культуры РСФСР о проведении выборов в художественные советы музыкальных театров. Увы, и это не вызвало обеспокоенности у тех, кто обязан следить за положением дел в коллективе. А Курицыной это только на руку. Она продолжает «наводить порядок».

Пока готовился материал, в неимении попласт солист театра Владимир Бусыгин. Причина прямо-таки смехотворная. Воронежский театр недавно пригласил артиста спеть ведущую партию в опере «Риголетто». Это давно существующая практика обмена солистами. Нескоро раз Бусыгин приходил в свою дирекцию за разрешением на поездку. Но времени для минутного в общем-то дела у начальства почему-то не нашлось. А сроки вполне поджимали. Чтобы не сорвать спектакли, певцу пришлось вылететь на свободное от работы и своего театра три дня в Воронеж без необходимого в таких случаях разрешения. Вот тут-то директор встретилась, сразу же издавая приказ об увольнении заслуженного артиста. Произошло это, стыдно сказать, за две недели до ухода Бусыгина на пенсию. Не считались и с тем, что он проработал в родном коллективе более четверти века. Похоже, человеческий фактор, общественное мнение и, наконец, творческие интересы для нынешнего руководства Горьковского театра — абстрактные понятия.

В. БОРОХОВ.
(Наш соб. корр.)

ГОРЬКИЙ.